АННА ДЖЕЙН

#ЛЮБОВЬ НЕНАВИСТЬ

КНИГА ПЕРВАЯ

CLEVER
•издательство•

Хаде Татаевой,
которая верила в эту историю больше,
чем в нее верила я.

ЛЮБОВЬ КАК ВСЕЛЕННАЯ

ПРОЛОГ

НОЧЬ. РЕЗКИЕ ПОРЫВЫ ветра. Росчерки молний на небе и рокот грома вдалеке. Надвигалась гроза. И запах озона становился все более ощутимым.

Я бежала по улице с глухо бьющимся сердцем, хватая разбитыми в кровь губами холодный сырой воздух. Под ребрами кололо, но я не останавливалась. Туфли были мокрыми насквозь — я не видела глубоких луж, в которых слабо мерцал свет фонарей, не замечала грязи и прилипших к ней опавших листьев, не обращала внимания на пробоины в асфальте, а потому спотыкалась и едва не падала.

Я вообще ничего не видела. Слезы и страх застилали глаза. Я просто хотела скрыться в ночной мгле, спрятаться так, чтобы никто не нашел. Чтобы *он* не нашел.

Я бежала, бежала, бежала… И тень бежала за мной. В какой-то момент я поняла, что больше не могу. В это же время хлынул дождь, и крупные капли заскользили по моему лицу вместе со слезами. Нужно было спрятаться под какую-нибудь крышу, но я стояла посреди пустой дороги в незнакомом районе и не могла сдвинуться с места. Вокруг не было ни одной живой души, лишь где-то вдалеке слышались вой сигнализации да лай собаки.

Я стояла и не знала, что делать, а надо мной взрывалось небо серого октября. Дождь усилился и уже наотмашь бил по лицу, ветер трепал волосы, а я так и стояла под чужим черным небом. Меня охватила паника,

стыд щипал щеки, словно мороз, а дыхание было все таким же тяжелым. По рукам ползли мурашки — в такую промозглую погоду я была одета в одно лишь платье, еще несколько часов назад красивое, а сейчас промокшее и порванное.

«Иди ко мне, малыш. Иди. Тебе понравится. Ну же. Я буду лучше, чем он».

Я тряхнула головой, прогоняя от себя его голос. Раз. Два. Три. Все хорошо. Выдохни. С огромным трудом мне удалось взять себя в руки. И я решилась — позвоню единственному человеку, который может мне сейчас помочь. Больше мне не к кому обратиться. У меня нет денег, чтобы отсюда уехать, — сумка с кошельком и верхняя одежда остались там, в *той* квартире. И там же осталась часть моей души.

Негнущимися пальцами я набрала номер, который знала наизусть, и прижала телефон к уху. Он ответил не сразу, через десять гудков — я считала их, закусив разбитую губу. У батареи всего несколько процентов.

Пожалуйста, возьми трубку.

— Да, — раздался наконец сонный голос, и я облегченно выдохнула. — Дашка? Я сплю. Перезвони завтра, а?

— Н-нет, не клади трубку, — попросила я и добавила едва слышно: — П-пожалуйста. Пожалуйста.

— Эй, что с тобой? — мигом насторожился он, а я не выдержала и заплакала снова.

— Говори! Что случилось? Не молчи. Даша!

Я закрыла рот пальцами, чтобы не было слышно моих всхлипов.

— Даш, что случилось? Где ты? Тебя ведь нет дома, верно?

— Нет… он… он… понимаешь… я… к нему… пошла… — Мне не удавалось связать слова в цельные фразы. Было страшно и стыдно говорить о том, *что* произошло. Меня трясло от ужаса и отвращения.

Никто и никогда не предавал меня *так*.

— И? Ты была у него дома, так? Что случилось в… его квартире? — мягко спросил мужской голос, а я поняла, что это обманчивая мягкость. Обманный маневр. Он пытается понять, что со мной.

— Забери меня отсюда, — глухо попросила я и вновь зажала рот и нос ладонью. Рыдания рвались из груди, а губы до сих пор жгло. И щеку. И душу.

Больно, так больно… Почему это произошло? Что я сделала не так?

— Адрес, — только и сказал он, поняв, что я сейчас не в том состоянии, чтобы что-либо говорить.

— Я не знаю… — с трудом вымолвила я, боясь, что слезы вновь возьмут верх. — Не знаю, где я.

— Что вокруг? — не растерялся он.

— Дома… Я на пустыре между домами. Тут никого.

Дома, холод и тьма, изредка разбиваемая светом мерцающих фонарей. И дождь. Я даже не помню, как оказалась здесь. Просто бежала, не разбирая дороги.

— Иди к ближайшему из них, — велели мне. — И прочитай название улицы и номер. Поняла?

— Д-да. Только не клади трубку, — попросила я сбивчиво, не замечая, что иду по холодной луже, а порванное платье промокло насквозь.

— Не буду, — пообещал он. — Иди, девочка. Скажешь мне адрес, и я заберу тебя. Хорошо?

Раньше он никогда не называл меня так.

— Хорошо. — Мой голос был едва слышен.

Он продолжал говорить мне что-то успокаивающее, и я шла вперед, к свету высоких домов. Страх медленно отступал, и я перестала оглядываться каждые две секунды. Но сердце все еще норовило вот-вот выскочить из груди.

К ближайшему дому, вытянутому к темному небу свечой, с супермаркетом на первом этаже, я подошла через пару минут. Послушно назвала адрес и встала под выступающий козырек магазина. Он сказал, что сейчас приедет.

— Не бойся. Верь мне. Поняла?

— Да…

Он добавил, чтобы я не смела никуда уходить, и на этом батарея в телефоне села. И заряд моего сердца тоже сел. Я никогда не казалась себе более жалкой, чем сейчас. И только сейчас я поняла, что такое настоящая ненависть. Я *действительно* ненавижу одного человека. Ненавижу и презираю. То, что я раньше считала ненавистью, и в подметки не годилось этому чувству.

Второй Вселенной не получилось. Она так навсегда и осталась в своей космической сингулярности.

«Тебе понравится, обещаю».

«Не бойся, верь мне».

Я подула на ледяные руки и закрыла глаза. Сколько я так простояла, слушая дикую музыку грозы, было непонятно — то ли минуту, то ли час. А потом рядом со мной остановилась большая черная машина. И из нее вышел тот, от кого я так отчаянно убегала. Рука его, там, где я ее порезала, была перебинтована какой-то окровавленной тряпкой. Молния ярко осветила его лицо. На нем играла усмешка.

— Вот ты где, — услышала я его вкрадчивый голос, и сердце мое упало. — Я нашел тебя, малышка. Продолжим?

Тени все-таки догнали меня.
Вкус крови на губах вновь стал ощутимым.

Я взорвусь, разлечусь на части,
На осколки размером с атом —
В бесконечность. Узнаю счастье
Быть нигде. Быть повсюду. Рядом.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Свадьба

МНЕ, КАК И ЛЮБОМУ из нас, нравятся далеко не все люди. Среди них есть те, которые тихо *раздражают* — своими привычками, поведением, речью и даже мыслями. Их постоянно хочется одернуть, поправить, заставить замолчать... В моей жизни их приличное количество, но я стараюсь не обращать на них внимания.

Есть те, которые неимоверно *бесят*, и порой ты даже не знаешь, в чем причина твоей антипатии. Таких людей хочется прибить, за что — понятия не имеешь, но желание от этого не становится меньше. В моей жизни подобные личности имеются в количестве нескольких жалких штук. И, кажется, наша неприязнь взаимна. А еще есть те, которых *ненавидишь* до зубовного скрежета, до биения пульса в горле, до алых бликов в глазах — их существование вызывает в тебе внутреннего демона. В моей жизни такой человек присутствует в количестве лишь одного экземпляра, но поверьте, мне хватает!

Его зовут Клоун. По крайней мере, я так его называю. Чертов придурок. Позитивный психопат. Высоченный наглый тип с дерзкой улыбочкой. Сукин сын с чувством юмора, как у обкуренного лося. Я его НЕ-НА-ВИ-ЖУ. От слов «совсем» и «навсегда». Он сумасшедший, просто повернутый, и от его поступков я скоро окончательно осатанею. А как он шутит?! Будто Боженька смолвил! До колик в печени и в душе. И с его

легкой (проклятой) руки с детства весь двор и школа звали меня Пипеткой!

И этот человек должен стать *моим мужем*. Подумать только! Я сильнее стиснула небольшой букет белых роз, лежащий на коленях.

Сейчас он сидел рядом со мной, положив одну руку на руль, и спокойно вел машину по пробке. И если я была облачена в нежное свадебное платье с кружевным лифом и воздушной многослойной юбкой, поверх которого накинута кожаная куртка, то на нем был приталенный, сидящий по фигуре темно-синий костюм-тройка, белоснежная рубашка и галстук под цвет жилета. С левой стороны груди вместо бутоньерки — аккуратно сложенный платок. Темно-каштановые волосы делано небрежно зачесаны набок, открывая лицо с правильными чертами: высокий лоб, широкие темные брови с резким изломом, прямой нос, выступающие, четко очерченные скулы, упрямый подбородок. Его всегда считали красивым — высокий, с отличным спортивным телосложением, да еще такой симпатичный. Просто принц местного разлива!

Но мне больше всего нравились его глаза холодного серого цвета, обрамленные длинными коричнево-черными ресницами. Они всегда казались мне похожими на предгрозовое небо. И были очень выразительными. Когда Клоун хотел показать недоверие, он забавно щурил их, когда был зол — широко распахивал, а когда смеялся, от их уголков разбегались тонкие лучики. А еще он умел пристально смотреть — так, будто заглядывал в душу. И когда он смотрел на меня так, я начинала особенно нервничать и злиться.

Идеальный образ портили только сбитые костяшки левой руки, но мы оба делали вид, что все в порядке.

— Опять ты на меня косишься.

— Все не могу нарадоваться, какой у меня жених прекрасный, — отвечала я, наматывая на палец и без того волнистый локон. Волосы у меня вились. И это тоже ужасно раздражало.

— Я тоже себе нарадоваться не могу, — весело отвечал он и, глядя в зеркало, провел большим и указательным пальцами по подбородку. — Красавчик. — И подмигнул сам себе, а после коротко рассмеялся.

Я закатила глаза. Чертов нарцисс.

— А ты будешь хорошей женой? — спросил он. — Имей в виду, я привык есть три раза в день.

— А я привыкла к адекватному общению. Хочешь есть — ешь дальше. Хоть пять раз. Я-то здесь при чем? — спросила я, разглядывая свадебный букет из белоснежных нежнейших роз.

Он был простым, но при этом очаровательным. Зеленые стебли переплели кобальтовой лентой — в тон костюму жениха. Только вот бутоньерку с небольшой изящной копией роз этот дурак надевать не захотел. И из-за этого мы ругались перед выходом.

— Жена должна кормить мужа, — заявил он весело.

— Может, мне тебе еще и детей родить? — прищурилась я.

— А это перебрасывает нас к проблеме номер два, — оскалился Клоун довольно и взглянул на меня — мы снова стояли в пробке, которой, казалось, не было конца и края.

— Какой еще проблеме?

— Проблеме супружеского долга, — объявил он все с той же поганой улыбкой.

— Слушай, милый, ты не мог бы помолчать? У меня от тебя голова болит.

— А у меня от тебя сердце ноет. Думаешь, я в восторге от всего этого? Ты моя невеста, и я… Вот же черт! — выругался он вдруг сквозь зубы, глядя вперед. Клоун всегда был слишком эмоциональным и умел заводиться с пол-оборота.

— Что?! — подпрыгнула я от неожиданности.

— Менты. Просят остановиться. Тут и без них пробка.

С этими словами он съехал на обочину. Я занервничала. Время поджимает, а тут еще и полиция! Свяжешься с Клоуном — неприятностей не оберешься. Опытным путем я убеждаюсь в этом еще с младшей группы детского сада. Вот сейчас как выяснится, что автомобиль находится в каком-нибудь угоне, — и плакала наша свадьба горькими слезами.

К нашей машине вразвалку подошел парень в форме. Он представился лейтенантом Смирновым и попросил документы, с интересом разглядывая нас, — понял, что мы жених и невеста. Я тут же стала мило улыбаться ему, призывая на помощь женскую магию. Может быть, мне удастся смягчить его сердечко своим невинным взглядом? Я даже ресницами похлопала, а Клоун недовольно на меня покосился. Наверное, не оценил моих флюидов.

— Я что-то нарушил? Если честно, мы с невестой опаздываем на свадьбу, — сказал мой будущий муж, пытаясь сохранить добродушное выражение.

Но я-то знала, что он злится — не любит, когда все идет не так, как он задумал! Клоун — истеричка, правда, маскируется хорошо.

— О, свадьба — это отлично! — радостно улыбнулся лейтенант. — Вообще-то я вас остановил, потому что машинка ваша под описание тачки из ориентировки

подходит. Но если у вас свадьба… Давайте-ка мы вам поможем.

— Как? — У меня глаза округлились.

— Организуем коридор. Свадебный подарок от доблестной полиции, так сказать. Жених, поедешь за мной. Домчим до загса, иначе вы тут стоять еще часа два будете. Впереди авария и дорогу ремонтируют. А где гости-то? — спохватился лейтенант.

— На свадьбе почти никого не будет, — ответила я, скрывая усмешку.

Свадебка наша настолько спешная, что о ней никто не знает. Даже наши родители. А узнали бы, дружно упали бы в обморок.

— Неужто даже свидетелей? — удивился Смирнов.

— У нас тайная свадьба, — сообщил ему Клоун и доверительно прошептал, прикрыв рот рукой: — Не хочу тратить бабки на всякую чушь, мы лучше на море слетаем.

Ага, слетаем. Нам нужно заселяться в нашу совместную квартирку-студию, а не на море лететь. Сегодня вечером кровать привезти должны, кстати. А лейтенант неожиданно поддержал Клоуна.

— И правильно! У меня вон свадьба была в прошлом году, такая толпа родни приехала, мы с Наташкой чуть с ума не сошли. Столько на банкет потратили, что представить страшно… Так, молодожены, едем за нами.

Он сел в полицейскую машину к своему коллеге, они включили мигалку с душераздирающей сиреной и нагло стали протискиваться через пробку, заставляя машины расступаться. Клоун не растерялся и поехал следом, держась на некотором расстоянии. Мы довольно быстро пересекли улицу, выехали на широкий проспект,

в котором пробка стала еще плотнее, и помчались следом за полицейскими по боковой полосе, предназначенной для автобусов и служебного транспорта.

До загса центрального района мы доехали за какие-то десять минут. С ветерком, что называется. И Смирнов любезно открыл нам двери, дабы мы могли торжественно выбраться наружу.

Полицейские машины всегда привлекают внимание. Полицейские машины с мигалкой и сиреной привлекают внимание вдвойне. А когда из машины, которую они сопровождают, выходят жених и невеста, внимание окружающих становится таким пристальным, что хочется провалиться сквозь землю.

К нам с Клоуном обернулись все, кто был около загса. Будущие молодожены, их многочисленные гости, прогуливавшиеся неподалеку люди. Кажется, я зарделась, и даже твердолобому Клоуну стало немного не по себе. Только лейтенант Смирнов и его коллега улыбались как ни в чем не бывало.

— Начальники, вы сидельца жените, что ль? — крикнул какой-то мужик в помятом костюмчике.

Кажется, он был слегка подшофе. Дородная женщина с букетом, что сопровождала его, толкнула мужика в бок — мол, не лезь.

— А чего такого?! Сидельцы что, жениться не могут? Вася, налей мне еще бокальчик, — обратился он к кому-то из свадебной процессии, с которой приехал в загс.

Я звонко рассмеялась. А Клоун мрачно уставился на мужика. Сидельцем его еще не называли.

— Не заключенный это, — отозвался Смирнов, жадно глядя на стаканчик в руках у мужика, который мгновенно наполнился шампанским. — Нормальный.